

Михаил
ЖАРОВИ М Е Й
СТО ДРУЗЕЙ!

— ЕСТЬ ЛИ в вашей жизни, полной, вероятно, приключений, какого-нибудь новогоднего забавного случая? — спросил меня корреспондент.

— Забавного не помню, а вот однажды огорчений и забот под Новый год было «хоть в прорубь головой!». Моим девочкам очень хотелось елку. У всех елки, а у нас нету.

— Наверное, у папы нет денег, — сказала тогда маленькая Лиза.

— Пусть попросит у соседа или срубит в лесу, — и Аня, которая была постарше, пролепетала: — «В лесу родилась елочка, в лесу она росла!» Помнишь?

— Я-то помню, а вот папа с мамой, наверное, забыли, они ведь не дети.

Мы с женой грустно посмотрели друг на друга. Она искать елку не могла — ребят не с кем оставить дома, а я с утра и до вечера именно 31 декабря работал: то срочно дописывал на радиостудии новогоднюю передачу, а вечером к тому же в Малом театре играл в спектакле. Всего один час, который мне оставался на обед, я и решил посвятить елке.

После записи веселых новогодних куплетов на радио я пошел домой, заглядывая во все дворы, где красовались надписи по белой бязи черными буквами (как будто насмехаясь надо мною): «Продажа елок»!

Надписи были, а елок не было.

А кругом люди несли елки. И я ворчал, подбирая ветки покрупнее:

— Ничего. Свяжем «самоделку»!

И вдруг... под Новый год все бывает вдруг... На набережной остановился «Москвич», из него вылезли Снегурочка и Дед Мороз.

— Дальше, значит, не поедете? — спросил Дед Мороз басом.

— Нет, не поеду — заело! — ответил таксист.

Вытащив маленькую красивую елочку, уже всю в разноцветных бусах, шариках и игрушках, Снегурочка, чуть не плача, пропищала:

— Что же нам делать?

— Отдать елку мне, — сказал я, хрипя от холода.

Вид у меня, наверное, был страшный и подозрительный. Лица видно не было, ушанка опущена, прикрывала глаза, и из-за поднятого воротника выглядывал сизый от мороза нос, с которого капали слезы.

— Отдайте ее мне, — прохрипел я, протягивая озябшие руки.

— Нелзя! Заказная! — грубо пробасил Мороз.

— Она заказная! — пискнула Снегурочка и спряталась Деда.

«Подумаешь — Снегурочка, а пищит, как Баба Яга!» — проворчал я и двинулся через мост к башне своего высотного дома. Снегурочка и Мороз, словно дразня своей елкой-игрушкой, шли за мною. Я направо — они направо, я через дорогу — они через дорогу, я в подъезд — они за мною. Я на лифт — они тоже. Я выхожу на шестом этаже, они рванулись раньше меня — пропустил. Подходят к моей квартире. Звонят. Дверь открывает жена. Дед Мороз ласково (и куда делся его бас) спрашивает:

— Уважаемый Михаил Иванович Жаров здесь живет?

— Здесь!

— Мы принесли ему от всех Дедов Морозов...

— ...и от всех Снегурочков, — от смущения пискнула дрожащими от холода губами раскрашенная особа.

— Да, от всех Снегурочек и всех работников центрального магазина «Детский мир» вот... вот эту скромную елочку — как наш новогодний подарок!

Мое сердце ёкнуло, и я перестал дышать.

— Можно я ему ее передам? — пролепетала еле слышно застенчивая Снегурочка.

— Можно, — ответила жена. — Передайте! Он стоит сзади вас!

Снегурочка повернулась, увидела меня и, вскрикнув, передала елочку Морозу.

— Михал Иванович — это вы?

— Михал Иванович — это я! А Верочка — балеринка из филармонии, с которой я часто встречаюсь на концертах, — это вы!

— Боже мой! Какое перевоплощение, а мы-то думали: что это за пьяный грубиян хочет отнять у нас вашу елочку...

— И поэтому из симпатичной Снегурочки вы с перепугу решили перевоплотиться в злую Бабу Ягу? Да? Не вышло — потому что для меня «лучшей Снегурочки в мире сейчас не существует!» — пылко продекламировал я, принимая из ее рук дорогую для меня елочку.

Счастью ребят не было конца.

— Метель ей пела песенку — Спи, елочка, бай-бай.

Мороз снежком укутывал — Смотри, не замерзай, —

пели весело девочки, пока мы с Верочкой-Снегурочкой и Колей-Морозом, отогреваясь, пили горячий чай.